Институт всеобщей истории РАН | Санкт-Петербургский институт истории РАН

Научная

IV Палеографическая конференция

Письменная манера и корпоративная мода: Элементы писцовой «школы» в книжных и актовых памятниках

Аннотации докладов

09–10 ноября 2026 г.

Место проведения:

09 ноября
Москва, Ленинский пр., 32а
14 этаж, ауд. 1406
С.-Петербург, Петрозаводская ул., 7б
Малый конференц-зал

10 ноября
С.-Петербург, Петрозаводская ул., 7б Малый конференц-зал

Аннотации докладов

Абеленцева Ольга Алексеевна
СПбИИ РАН

Этюды о письменности Новгородского уезда второй половины XVII в.

1. *Служилый человек Петр Матфеев сын Арцыбашев: Личность и почерк.*

В архиве Успенского Тихвинского монастыря сохранилось много документов, связанных с двумя судебными делами 1670-х гг., где сторонами являлись обитель и Петр Арцыбашев. Первое дело касалось хозяйственного спора (арендованные монастырем земли другого собственника Арцыбашев посчитал своими), а второй конфликт случился во время его приезда на Тихвинский посад для розыска «беглых» солдат. В обоих случаях со стороны Петра, его сына и людей было применено огнестрельное оружие, в последнем случае имелись жертвы. В судебных делах и связанных с ними материалов, например, переписки монастыря со стряпчими, Петр Арцыбашев предстает как человек жестокий, агрессивный, склонный решать конфликты грубой силой. Однако образцы почерка Петра, выявленные в монастырском архиве, позволяют дополнить его личностные характеристики. Он обладал хорошо выработанным почерком. Это свидетельствует о том, что в процессе служебной деятельности Арцыбашеву приходилось много писать. Вероятно, он также был хорошо осведомлен о существовавших правовых и процессуальных нормах, и по этой причине судебные тяжбы с ним были сложными и длительными. Имеющиеся в нашем распоряжении два образца его почерка, особенно один, написанный в быстром темпе, вполне отражают черты его неудержимого темперамента: некоторые строчные буквы и их элементы вытянуты в строке в горизонтальную линию, написание других максимально упрощено.

2. Челобитная о тупом ученике.

Во время обсуждения моих докладов на данной конференции возник вопрос о существовании на Тихвинском посаде школы писцов. К сожалению, данные об этом пока не выявлены, но в процессе описания монастырского фонда мне попался документ, характеризующий некоторые стороны обучения грамоте посадских детей. Это челобитная дьячка церкви Флора и Лавра на Тихвинском посаде Карпа Борисова архимандриту Успенского Тихвинского монастыря Ионе о трудностях в обучении сына монастырского слуги Ивана Прокудина Тимофея. В ней имеется информация о сроках обучения учеников и размере оплаты, а также жалоба на тупиковую ситуацию, когда обучение затянулось на годы, затрачены усилия преподавателя, но получение оплаты за результат в конце обучения не предвидится.

Антонец Екатерина Владимировна
МГУ им. М. В. Ломоносова

Системы пунктуации в латинских рукописях скрипториев Европы IX в.

В римской письменности архаической и *классической* эпохи (VII в. до н.э. — II в. н.э.) использовался словораздел и (до II в. н.э.) применялись особые знаки пунктуации (21 знак). Обычно употребляли не более четырех знаков (наиболее употребительны: апех ´; virgula /; virgula ansata > или или **7**). Интерпункция, апексы и пунктуация были обязательным элементом оформления литературных книг, и использовалась в объемных надписях (напр., Monumentum Ancyranum; CIL, 03, p. 0774).

Во II в. н.э. под влиянием греческой письменной культуры в римской письменности произошел переворот. Перестает использоваться словораздел и начинает применяться греческая система знаков препинания: небольшую остановку (subdistinctio) обозначала точка на нижней линии строки (**.**), среднюю паузу (media distinctio) — точка на уровне середины корпуса буквы (·) и конец предложения (distinctio) — точка у верхней части буквы (•).

В каролингское время развивается другая система, состоящая из различных символов. В ней четыре основных знака: punctus (малая пауза **.** или), punctus elevatus (более длительная пауза **;**), punctus versus (конец предложения **;** или > или **7**), punctus interrogativus (знак вопроса). Заметно сходство некоторых знаков (например, **7**) с римскими.

В докладе предполагается рассмотреть знаки пунктуации, представленные в избранных рукописях IX в. из разных скрипториев Европы. Обзор проводится на материале рукописей VIII–IX вв., содержащих сочинения Вергилия (их сиглы: a, b, γ, e, u, r, v), в произвольно выбранном участке текста. Анализ показал, что места пауз, которые отмечаются в этом тексте, в целом одинаковы во всех рукописях, но отражены в них, во-первых, с разной степенью подробности, и во-вторых, посредством разных знаков, не совпадающих друг с другом полностью. В двух единственных сохранившихся рукописях VIII в. (BSB, Clm 29216 (Сев. Италия) и BNF, lat. 7906 (Лорш)) используется только один знак (·), что, по-видимому, отражает позднеантичную систему. Отмечаются концы строк, и, по-видимому, места цезур.

Пунктуация в прозе рассматривается на примере рукописи De oratore Цицерона (London, BL, Harley Ms. 2736), переписанной Серватом Лупом. Луп применяет только знак точки на разном уровне строки, знак 7 для обозначения полной остановки и знак вопроса. Редактор более позднего времени, XI в., исправил знаки Лупа, используя другую систему пунктуации. Анализируются принципы постановки разных знаков препинания.

Басов Иван Михайлович
СПбИИ РАН

Владельческие записи в польско-литовских печатных книгах XVI в. из Фонда редкой книги БАН[1]

Фонд редкой книги Библиотеки Российской академии наук располагает значительным корпусом книг, изданных в XVI в. на территории Польского королевства и Великого княжества Литовского. Настоящий доклад основан на анализе более сотни атрибутированных владельческих записей и помет, содержащихся в этом массиве книг.

Фиксируемые записи относятся к широкому хронологическому периоду с начала XVI в. (наиболее ранние авторизованные и датированные записи относятся к 1520-м гг.) по начало XX в. Однако распределение неравномерно: самыми частотными являются записи последней трети XVI — первой половины XVII в., что объяснимо как особенностями источниковой базы (предсказуемо, что активнее всего книги распространялись вскоре после своего создания), так и интенсификацией книгообмена в Речи Посполитой в указанный период. Географически записи касаются преимущественно Польского королевства и Великого княжества Литовского, но также нередки записи, происходящие с территорий современных России, Австрии и Германии.

Социальный спектр записей весьма широк. Среди владельческих записей, позволяющих установить автора и его профессиональную принадлежность, ряд автографов (около 27%) относится к представителям аристократии, магнатерии и высшего духовенства (Радзивиллы, Сапеги, Валленродты). Наибольшую часть (около 40%) составляют записи представителей местного чиновничества, среднего духовенства и университетского преподавательского состава. Порядка 33% записей выполнены руками мещан, городских ремесленников, сельских священников.

Хронологический, географический и социальный охваты записей определяют палеографическое разнообразие этого рода источников. Наиболее ранние записи выполнены либо позднеготическим, либо гуманистическим курсивом. Для фрагментов текста конца XVI — XVII в. характерен зрелый польский курсив. К этому же периоду относятся образчики рутенской и московской скорописи. Записи XVIII в., происходящие с территорий Речи Посполитой, написаны чаще всего характерным польским канцелярским письмом, сложившимся в это столетие под французским влиянием.

Таким образом, владельческие записи комплекса польско-литовских старопечатных книг позволяют сформировать репрезентативную выборку как в части географического, хронологического и социального охватов записей, так и в части многообразия характерных для региона манер письма. Это позволяет наглядно отслеживать эволюцию бытового письма на территории Речи Посполитой и, отчасти, соседних стран.

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-78-20012 https://rscf/project/25-78-20012/

Бобрикова Вероника Зурабовна
Центр искусства каллиграфии «От Аза до Ижицы;
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Крестообразный дукт
как основа устава Минеи служебной XII в.
(РНБ, Q.п.I.12)

Рукопись Минеи служебной из собрания ОР РНБ (Ф. 550 «Основное собрание рукописной книги», Q. п.I.12) датируется концом XII в. и является примером составного устава. При внимательном рассмотрении письма, выяснилось, что основной вертикальный элемент в Н, И, П, Ш и других буквах, имеющих массивный штамб, представляет из себя перекрестие двух (и более) диагональных штрихов, что весьма необычно. Известны примеры русского составного устава, где основные элементы букв состоят из группы штрихов, наложенных почти параллельно. Например, в вертикалях таких букв как I, Н, И, П, Ш. При этом боковые штрихи штамба могут быть слегка вогнуты и создавать так называемый обратный энтазис — легкое сужение элемента в середине. В качестве примера можно привести следующие древнерусские рукописи: Триодь постную (РНБ, ОР Соф. 87), Евангелие Хитрово (РГБ, Ф.304.3 № 3), Евангелие Феодора Кошки (РГБ, Ф.304.3 № 4), Пантелеймоново Евангелие (РНБ, ОР Соф. 1). Способ же создания обратного энтазиса путем скрещивания диагоналей — весьма удивительный прием. Дизайнерам такое решение может быть известно по шрифту Новгород современного каллиграфа Марины Марьиной (https://www.behance.net/gallery/62796371/Novgorod), который получил награду на конкурсе Современная кириллица в 2019 г. (https://2019.moderncyrillic.ru/). Встретить такое графическое решение в древнерусской рукописи было неожиданно и интригующе. Вынося эту тему на палеографическую конференцию, автор надеется, что со временем найдутся и другие примеры использования этого приема в русском допетровском письме.

Бондач Альберт Григорьевич
ИВИ РАН; РГАДА; РГБ

Дневник палеографа:
Записи Б. Л. Фонкича о работе с греческими рукописями
итальянских библиотек в 1977 г.

При подготовке личного архива Б. Л. Фонкича к передаче на хранение в РГАДА нами был обнаружен ежедневник, содержащий дневниковые записи ученого, относящиеся к периоду его пребывания в Италии в 1977 г., когда он впервые выехал за рубеж в длительную научную командировку.

В течение трех месяцев, начиная со 2 октября, Б. Л. Фонкич работал в важнейших итальянских хранилищах греческих рукописей: в Библиотеке св. Марка и библиотеке Греческого института византийских и поствизантийских исследований в Венеции, в Ватиканской библиотеке и библиотеке Валличеллиана в Риме, а также в библиотеке Лауренциана во Флоренции. За это время он изучил более 380 манускриптов, отождествил почерки многих анонимных писцов, открыл автографы ряда византийских и поствизантийских интеллектуалов и сделал другие ценные наблюдения. Занятия в библиотеках сопровождались неформальным общением с известными специалистами по греческой палеографии и кодикологии, византинистами, неоэллинистами, работавшими в

то время в Италии: А. Жакобом, П. Канаром, Ж. Леруа, М. Мануссакасом, В. Пери, А. Пертузи, Э. Фольери, Д. Харлфингером и другими.

Эта интенсивная научная деятельность подробно отражена в ежедневных записях Б. Л. Фонкича, где также есть место и упоминаниям о знакомстве с памятниками культуры, и разным бытовым зарисовкам.

Добрынина Элина Николаевна
ГИИ МК РФ

Индивидуальная манера писца и художественный стиль в группе греческих рукописей последней четверти X в.

В докладе будут рассмотрены греческие иллюминированные рукописи, оформленные в «стиле золотых полос», который возник в византийской столице около 970-го года. Происхождению этого орнаментального стиля и выявленной «старшей» группе писцов и художников, причастных к его формированию, был посвящен доклад на III Палеографической конференции в 2025 г. В настоящем сообщении будут изложены аргументы в пользу атрибуции четырех рукописей «младшей» группы этого стиля: Genova, Urbani 18; РНБ, Греч. 55; Athens, EBE 453; Athens, EBE, cod. 2537. Новая атрибуция основана на комплексе следующих признаков: 1) композиционное и типологическое единство орнаментальных заставок, которое указывает на узкую профессиональную среду мастеров книги и общность их вкусовых предпочтений; 2) различный подход к оформлению рядовых заставок и больших инициалов: в первом случае наблюдается программное единообразие и верность новой стилистике, во втором — произвольное использование типологически иных форм, широко известных по орнаментальному репертуару X в.

В работе над рукописями «младшей» группы принимал участие златописец, который получил условное обозначение «Аноним А». На основании индивидуальных приемов письма, проявившихся в золотых инициалах, с его рукой отождествляются две рукописи: минускульный Сборник гомилий Василия Великого, Genova, Urbani 18, и маюскульные Евангельские и Апостольские чтения, РНБ, Греч. 55. В связи с этим отождествлением вновь затрагивается вопрос о датировке кодекса РНБ, Греч. 55, недавно отнесенного к середине X в.

В результате изучения «старшей» и «младшей» групп рукописей «стиля золотых полос» формируется представление о локальном художественном явлении, возникшем в среде столичных мастеров книги на фоне широкого распространения ведущего орнаментального стиля этой эпохи (Blüttenblattstil). Признаки индивидуальной манеры писцов позволяют установить связи в разнородном материале — в книгах различной типологии, кодикологии и графической нормы.

Жуков Артем Евгеньевич
НИОР БАН

К проблеме атрибуции почерков восточно-славянских библейских кодексов рубежа XV–XVI вв. (на примере Псалтири РНБ. F.I.738)[1]

Рубеж XV–XVI вв. стал переломным этапом в развитии русской библейской книжности. Эта эпоха ознаменовалась целым рядом масштабных книжных мероприятий, которые происходили как в русских землях, входивших в состав Литвы, так и в Московском Великом Княжестве. В данный период разворачивается деятельность таких видных книгописцев, как Иван Черный и Матфей Десятый, открывается типография Швайпольта Фиоля в Кракове, а в Новгороде создается знаменитая Геннадьевская Библия (1499). В этой связи особое значение обретает атрибуция почерков библейских кодексов книгописцам, которые работали над их составлением. В настоящей работе мы рассмотрим один из наиболее ярких образцов библейской книжности рубежа XV–XVI вв. — лицевую Псалтирь РНБ. F.I.738 и попытаемся определить, в каком кругу создавался данный памятник.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что по филиграням рассматриваемый манускрипт датируется концом XV — началом XVI в. (Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибаев М. А., 2011). По мнению исследователей, Псалтирь F.I.738 представляет собой конволют, отдельные части которого могут иметь разное происхождение. В научной литературе высказывались различные мнения относительно ее происхождения. Одни связывают создание манускрипта с северной Русью и полагают, что кодекс мог создаваться в Кирилло-Белозерском монастыре (Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибаев М. А., 2011). Другие исследователи считают, что рукопись происходит из Супрасльского Благовещенского монастыря (Морозова Н. А., Темчин С. Ю., 2005). Высказывалось также мнение о московском происхождении псалтири (Попов Г. В., 1975). Однако проведенное нами палеографическое исследование рукописи выявило ее сходство с манускриптами, в написании которых принимал участие упомянутый выше книжник Иван Черный. Орнаментика, а также почерк, которым написана большая часть Псалтири РНБ. F.I.738, сходны с рукописями РГБ. собр. Ундольского № 1, Пискарев. № 162 и другими памятниками, атрибутированными этому прославленному книгописцу.

Установление связи между исследуемым кодексом и кругом Ивана Черного позволяет уточнить некоторые моменты, связанные как с историей данной рукописи, так и с процессом развития библейской книжности на рубеже XV–XVI вв. Прежде всего, снимается вопрос о месте создания Псалтири РНБ. F.I.738. По филиграням она датируется более поздним временем по сравнению с другими рукописями Ивана Черного. Известно, что в 1490-е гг., когда началось следствие по делу ереси «жидовствующих», книгописец бежал в Литву. Вероятно, над рассматриваемой рукописью он работал уже в западно-русских землях. При этом с эстетической точки зрения его подход не претерпел существенных изменений. Именно поэтому некоторые исследователи склонны связывать ее происхождение с землями востока или севера Руси. Возможно, дальнейшее изучение писцовой деятельности Ивана Черного позволит уточнить выводы, сформулированные в настоящей работе.

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-78-20012 https://rscf/project/25-78-20012/

Земляков Михаил Вячеславович
НИУ ВШЭ, Москва

Миниатюры правовых кодексов раннего Средневековья как выражение политической программы и способ легитимации верховной власти

Книжная и художественная культура раннего Средневековья является важным феноменом и объектом изучения исторической науки, поскольку множество затекстовых элементов оформления рукописей (цветные инициалы, заставки, миниатюры) позволяют составить более полное представление как о репрезентации власти, так и о политической программе раннесредневековых правителей.

В докладе пойдет речь об ограниченном круге источников — сборниках римского и германского права (также известных как «варварские правды»). Изображения в них представляют собой особый интерес с точки зрения легитимации власти верховного правителя и судьи, с фигурой которого связывается кодификация памятника. Целью доклада будет анализ репрезентации политической и судебной власти через призму художественного оформления манускриптов. В качестве гипотезы будет предложена и обоснована точка зрения о том, что в кодексах VIII–XI вв. сосуществовали несколько концепций и способов легитимации власти в континентальной Европе — с апелляцией к германской мифологии, племенному праву, наследию императорского Рима и византийскому придворному церемониалу.

К первому типу можно отнести миниатюры рукописи *Modena. Archivio Capitolare, I, 2* (990-е гг., Верхняя Италия), которая включает в себя законы салических франков, алеманнов и лангобардов. Для демонстрации преемственности правовой традиции Меровингов и Каролингов в нее были включены изображения четырех мудрых мужей из племени салических франков (согласно преданию, они зафиксировали их обычаи); Хлотаря II в окружении алеманнских воинов; и 160 погрудных изображений простых алеманнов (что могло быть отсылкой к собранию вооруженной знати — аналогу «мартовских полей» времен Хлодвига). В другом североитальянском кодексе (*Cava de'Tirreni, Biblioteca della Badia, 4* (около 1050 г.)) нашлось место легендарной истории обретения имени лангобардов, в которой фигурируют боги языческого пантеона (Фрея и Вотан) и двое братьев-правителей.

Вместе с тем, в монастырских стенах Монтекассино параллельно формировалась художественная программа репрезентации королевской и герцогской власти в Северной Италии, в известной степени дополнявшая идею политической интеграции Империи (но иногда — вступавшая в противоречие с ней). На листах с лангобардским правом VII–VIII вв. можно найти около десятка миниатюр, изображающих местных законодателей — от короля Ротари до Пипина Итальянского и императора Лотаря, от герцога Беневенто Арегиса до его наместника в Неаполе Иоанна; все они одеты по римскому образцу, а на голове у каждого красуется корона.

Напротив, северофранцузские и германские рукописи предлагали возводить власть Каролингов и их наследников напрямую к императорам Рима, минуя варварскую традицию права и региональных правителей. Придворный художник начала IX в. в манускрипте *Paris. BNF. Lat. 4404* поместил перед Кодексом Феодосия фигуру его составителя в окружении авторов Новелл (Валентиана, Майориана, Маркиана), прибавив на следующем листе четверых юрисконсультов и профессоров римского права — Гая, Павла, Северина и Гермогениана. Заложенная им традиция вдохновила составителей рукописи *Gotha. Staatsbibliothek, Cod. Memb. I, 84* включить в её состав в начале собрания капитуляриев аббата Ансегиса (середина IX в.) изображение безымянного правителя и двух священников, в образах которых исследователи видят символическую репрезентацию светской и духовной властей Оттоновской Германии X в.

Казбекова Елена Валерьевна
ИВИ РАН

Два примера множественности манер письма в латинских Библиях XIII в.: Нант. BM. Ms 1 и Адмонт. Benediktinerstift. Cod. 37

В созданных, как считается, в монастырях Библиях XIII–XIV вв. можно наблюдать множественность манер письма. В части случаев речь идет о работе нескольких писцов, в других случаях палеографические признаки свидетельствуют о работе не коллектива, а только одного писца, использовавшего несколько манер с вариациями, как в рассматриваемых Библиях из Нанта и Адмонта. Сходное явление на материале южнославянского кириллического письма XV–XVI вв. отметила М. В. Корогодина (2022): в «келейных сборниках» может наблюдаться не связанное с содержанием варьирование манер внутри одного текста, манеры меняются «часто и непредсказуемо, посередине фразы», «келейные сборники» могли служить «материалом для отработки писцовых манер, позволяя писцу упражняться, меняя темп и ритм письма». В рассматриваемых латинских рукописях манеры меняются достаточно плавно, на протяжении крупных фрагментов текста, охватывающих иногда по несколько книг Ветхого Завета, поэтому совершенствование писцовых навыков — лишь одно из возможных объяснений. Интересный и неожиданный сравнительный материал предоставляют работы выдающегося каллиграфа и художника книги старообрядца Ивана Гавриловича Блинова (1872–1944), владевшего многими манерами полууставного письма. В его работах используется несколько манер с многочисленными вариациями, от приближающихся к уставу до близких к скорописи. В докладе будут проанализированы возможные причины и цели варьирования манер письма в двух латинских Библиях XIII в. из Нанта и Адмонта.

Казимова Галина Александровна
МГУ им. М. В. Ломоносова

Особенности почерков рукописей № 100 и № 144 (Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея) собрания монастыря Крушедол из фондов Музея Сербской Православной Церкви

В собрании рукописей монастыря Крушедол находятся рукописи № 100 и № 144, представляющие собой перевод Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Рукопись № 100 содержит беседы 1–44, рукопись № 144 содержит беседы 46–90. В Описи Савы Петковича (Сремские Карловцы, 1914 г.) для рукописи № 100 приводятся датировки П. Й. Шафарика (первая половина XV в.) и Ф. Миклошича (1519 г., на основании записей на л. 451). Что касается рукописи № 144, то Сава Петкович датировал ее XVII-м веком. Между тем, изучение водяных знаков рукописей из фондов Музея СПЦ, предпринятое Радоманом Станковичем (Белград, 2003), позволило уточнить датировку, определив время создания рукописи № 100 как 1450–60-е гг., а рукописи № 144 как 1440–50-е гг. Датировка обеих рукописей XV-м веком содержится и в «Инвентаре кириллических рукописей в Югославии (XI–XVII вв.)» Дмитрия Богдановича (Белград, 1982). Обе рукописи написаны несколькими полууставными почерками. Если почерки рукописи № 100 более единообразны по начертаниям, что делает рукопись выглядящей более аккуратно, то рукопись № 144 содержит большую вариативность почерков — основной почерк прямой без наклона, с л. 173 текст написан почерком с наклоном вправо и другим пером, с л. 189 почерк и перо опять меняются, лл. 219–219 об. написаны грецизированным почерком,

чем-то напоминающим почерк троицкого инока Селивана, как он был атрибутирован Н. В. Синицыной. Далее почерк вновь меняется, и в целом рукопись № 144 выглядит гораздо менее аккуратно, чем рукопись № 100. Обе рукописи написаны сербским изводом, что позволяет предположить, что все писцы были сербоговорящими. Среди особенностей графики — лигатура буквы «Ять» с «Р», где кружок «Р» одновременно является основанием «Ятя», который обозначается с помощью мачты вверх с поперечной перекладиной над «Р»; характерное написание «Н» с косой перекладиной, близкой к латинскому начертанию «N»; плавная петля, идущая вниз, иногда ниже строки вместо треугольного начертания середины у «М»; частое написание буквы «Земля» с отклонением нижней петли вправо, что делает букву выделяющейся своим наклоном в общем ряду; «И десятеричное» встречается в позиции не только перед гласной, но, возможно, и перед согласной; часто едва заметный отворот влево у буквы «Ъ», что делает начертания «Ъ» и «Ь» схожими (так называемая «одноеровая орфография»). Данные палеографического анализа наряду с записями более поздних писцов в этих рукописях поднимают вопрос о соотношении этих переводов с переводом тех же Бесед, осуществленным Максимом Греком и иноком Селиваном в 1523/1524 гг.

Калюта Анастасия Валерьевна
СПбИИ РАН

Палеография документов, написанных латиницей на языке науатль из Тлашкалы второй половины XVI в.

В начале колониального периода в XVI–XVII вв. язык науатль (астекский) продолжал оставаться основным языком межэтнического общения как для коренных народов Центральной Мексики, так и для испанских завоевателей при любых их контактах с индейцами. В административном и судебном делопроизводстве созданного на территории Мексики в 1535 г. вице-королевства Новая Испания он стал вторым после испанского языком официальных документов. Уже в 1530-е гг. миссионеры францисканцы, а вслед за ними и доминиканцы стали использовать латиницу для написания текстов на языке науатль и обучать этому новому письму своих учеников науа в школах, созданных при монастырях. К 1540-м гг., по свидетельству бывшего конкистадора Херонимо Лопеса, уже сами науа были в состоянии писать книги.

Во второй половине XVI в. появилось большое количество документов, написанных на языке науатль латиницей и особое место среди них занимают письменные памятники из города Тлашкалы, центра одноименной административной единицы corregimiento, находившийся непосредственно под властью испанской короны и сохранившей свои собственные органы местного самоуправления в знак признания помощи тлашкальтеков отряду Эрнандо Кортеса при завоевании так называемой «астекской империи» в 1519–1521 гг. Главным органом местного самоуправления Тлашкалы был совет (исп. cabildo), состоявший исключительно из потомков местной доиспанской знати под контролем испанского чиновника коррехидора, назначавшегося королем Испании. В ведении совета Тлашкалы были все хозяйственно-экономические вопросы, утверждение новых налогов и сборов на ее территории и судебные дела, касавшиеся как уголовных преступлений, так и споров о земельных угодьях и наследстве. Все делопроизводство велось на языке науатль и тщательно протоколировалось с помощью латинского алфавита писцами совета. В Тлашкале существовали также и профессиональные индейские писцы, к которым обращались для составления важных документов, в первую очередь завещаний. Большая часть этих документов сохранилась до наших дней и главными проблемами при их публикации и переводе на другие языки являются проблемы палеографии.

Следует отметить, что фонологические различия между испанским языком (кастельяно) XVI в. и науатлем того же времени были весьма многочисленны. В науатле XVI в. имелось шесть гласных /a/, /a:/, /e/, /e:/, /i/, /i:/, /o/, /o:/, причем последние произносились ближе к /u/, /u:/. Наличие в слове краткого или долгого гласного имело принципиальное значение, потому что от него зависел смысл слова, например ātlacatl — «человек, путешествующий по воде», atlacatl — «нечеловек», textli — «свояк», tēxtli — «мука», tlatia — «жечь», tlātia — «прятать». Еще более специфичными для европейского уха были согласные науатля XVI в. Среди них не было звонких согласных, зато изобиловали носовые, шипящие и свистящие. В число согласных также входила гортанная смычка, которую испанцы называли *салтильо.* Ее присутствие также могло кардинально изменить значение слова. Слово tahtli с гортанной смычкой в первом слоге означало «отец», но tātli с долгим /a:/ и без гортанной смычки в первом слоге имело совершенно иное значение — «мы пьем». Имелся и полугласный звук звóнкий лабиовелярный аппроксимáнт /w/, напоминавший по звучанию звук, передаваемый с помощью буквы **w** в английском языке. Однако все эти фонологические особенности, в частности долгота гласных, далеко не всегда указывались писцами.

Дополнительные трудности для палеографии документов из Тлашкалы XVI в. создает и тот факт, что в это время фонетика и соответственно орфография самого испанского языка еще находились в процессе становления. В 1558 г. испанский писатель Кристобаль Вильялон писал, что ни один чистокровный кастилец не умеет различать **b** и **v**, поэтому при письме эти буквы постоянно чередовались. Аналогичным образом обстояла ситуация с буквами **ç** и **z**, которые передавали один и тот же аффрикативный звук. Свистящий палатальный согласный /ž/ передавался с помощью букв **j** и **g**. Кроме того, буквы **j** и **y** могли в кастильском XVI в. употребляться как для обозначения согласной, так и гласной.

Наконец, в Тлашкале XVI в. был распространен собственный диалект науатля, заметно отличавшийся от науатля долины Мехико, для записи которого францисканцы ввели в употребление латиницу.

В докладе на примере нескольких документов из Тлашкалы (завещания, генеалогии и судебных исков), написанных разными писцами и опубликованных американской исследовательницей Т. Сулливан, рассматриваются варианты записи и замены звонких согласных, звонкого лабиовелярного аппроксиманта /w/, гортанной смычки салтильо и спорные случаи, касающиеся употребления долгих и кратких гласных в конкретных словах.

Лебедева Ирина Евгеньевна
СПбИИ РАН; СПбПУ им. Петра Великого

«Уметь писать всем»: Многопочерковость как профессиональный капитал итальянских писцов XVI века

Профессиональный каллиграф XVI в. мог владеть несколькими видами письма. Это, на первый взгляд, очевидное утверждение ставит ряд вопросов: в какой мере мастер владел каждым почерком, что давала ему многопочерковость и каким образом ее можно удостоверить? Приблизиться к ответам позволяет анализ итальянских печатных пособий по письму конца XV — первой половины XVI в.

Претензия на многопочерковость выражена уже в заглавиях: *omnes litterarum species* — у С. Фанти, *le uarie sorti de littere* — у Л. дельи Арриги, *diverse varie sorti de litere* — у Дж. Тальенте, *ogni sorte Littera* — у Дж. Б. Верини, *tutte sorte lettere antiche et moderne di tutte nationi* — у Дж. Б. Палатино, *lettere di piu sorti* — у Веспасиано Амфиарео. Далее она подтверждается набором каллиграфических образцов.

Ранние пособия о римском капитальном письме — от рукописного трактата Ф. Феличано и печатной работы Д. да Мойлле (1480) до геометрических алфавитов Л. Пачоли — связывали мастерство с построением совершенной буквы. Фанти в *своем трактате* (1514) расширяет этот круг: наряду с римским капитальным письмом он рассматривает ротунду, текстуру и канцелярский курсив. Владение несколькими почерками начинает выступать как признак профессионального мастерства автора.

Арриги (1522) посвящает свое пособие канцелярскому курсиву, отказываясь от сложных геометрических построений в пользу практических наставлений на вольгаре. В дополнении 1523 г. он демонстрирует торговое, нотариальное, гуманистическое, готическое и декоративное письмо. Тальенте (1524) развивает эту тенденцию: он показывает не только разные виды письма, но и вариативность самого канцелярского курсива.

У Палатино (1540) многопочерковость приобретает энциклопедический характер: его книга включает региональные, исторические, профессиональные, декоративные и нелатинские системы письма, а также шифры. Амфиарео (1548) идет дальше, предлагая собственную бастарду как гибрид канцелярского и торгового письма в визуальном и функциональном плане. Позднее Креши (1566) стремится выработать более цельную и унифицированную норму.

Степень владения отдельными почерками можно проверить лишь по рукописным образцам, которые почти не сохранились. Исключением является Амфиарео: его рукопись близка к печатным таблицам по формам и качеству исполнения. Пример Челебрино, гравировавшего пособия Арриги и Тальенте, а затем выпустившего собственное руководство, показывает, что даже при общем посредничестве гравера формы разных авторов сохраняют отчетливые различия.

Таким образом, многопочерковость была не просто суммой навыков, а формой профессионального капитала. Она позволяла мастеру отвечать на различные запросы заказчика, конкурировать с коллегами и предъявлять себя не только как исполнителя, но и как педагога, знатока, классификатора и создателя графических форм.

Мажуга Владимир Иванович
СПбИИ РАН

Нотариальный курсив и ротунда в исполнении писца и глоссатора Саличето в рукописи XIV в.

Изучение кодекса с текстом комментария Бартоло да Сассоферрато (1313/1314–1358) к Digestum Novum, хранящегося в СПбИИ РАН, ставит исследователя перед многими трудными вопросами и в то же время приводит к новым наблюдениям, имеющими общее значение. Основной текст кодекса выполнен в 1370 г. нотариальным курсивом двумя юридически образованными писцами, к работе которых в двух случаях подключились их коллеги. Сравнение письма четырех переписчиков с несомненностью свидетельствует о первоначальном обучении их по общим образцам и о дальнейшем усвоении ими одинаковых норм курсивного письма, что, однако, не исключает наличия индивидуальных особенностей в дукте и графическом стиле каждого из них. Особый случай представляет письмо второго основного переписчика кодекса, которым, предположительно, был один из ведущих болонских юристов того времени Бартоломео да Саличето. Он не только участвовал в создании кодекса, но выступал в роли редактора текста Бартоло, по-видимому, был инициатором создания рассматриваемого болонского списка, а в дальнейшем приобрел кодекс для собственного пользования и наполнил его множеством глосс и рисунков. Стиль письма глосс, которые можно отнести к его руке, существенно

менялся в зависимости от конкретных условий и периода жизни Бартоломео, к тому же наш писец изначально применял наряду с нотариальным курсивом книжную ротунду, как при переписывании текста Бартоло, так и при записи глосс, причем в глоссах он отдавал предпочтение ротунде. Навыки письма двух названных типов порождали характерную для Бартоломео их контаминацию, что может служить подспорьем в деле отождествления его руки. Для более надежного установления принадлежности одной руке порою существенно расходящихся между собой стилистических разновидностей письма глосс были выделены определенные группы глосс, отмеченные либо особым знаком, либо одинаковым словесным зачином, которые представляют хронологически более ранний слой глосс Бартоломео да Саличето и где в то же время сильнее выражена контаминация двух основных типов письма, которые он применял.

Моисеенко Никита Сергеевич
СПбИИ РАН

Княжеская титулатура на сребрениках Владимира: Политическая декларация или диалект?

Древнейшие монеты князя Владимира конца X — начала XI веков (сребреники) представляют собой уникальные памятники политики и культуры времени расцвета Киевской Руси. Надписи на них относятся к одним из самых древних примеров русского письма. Декларативные и прокламативные по своей сути легенды на лицевых сторонах монет фактически являются единственным дошедшим до нашего времени видом официального документа X в., созданного на территории Российского государства.

Начиная с первого прочтения упомянутой надписи на сребренике III типа и опубликованной в июне 1816 г. А. Воейковым в «Вестнике Европы» как «Владиміръ на столѣ, а се его сребро», на протяжении более двух столетий у исследователей не возникало сомнений в правильности передачи смысла текста, как позиционирование нахождения правителя на неком едином княжеском престоле. Этому способствовало и то, что на части древнерусских монет у слова «столе» хорошо различимо окончание «Є», «Е», реже символ, похожий на «Ѣ», «Ъ» и даже «+». Учитывая, что существительное «стол» в старославянском языке склонялось с основой на *ŏ, то подобное написание фонетически передавало форму местного падежа единственного числа («столѣ»).

Исключая группу монет, у которых из-за недостатка места окончание у слова «стол» полностью отсутствовало, нельзя не отметить существование большого количества экземпляров, у которых окончание передано симметричным символом, напоминающим по форме букву «Оукъ» («u») с длинными опущенными вниз плечами и двумя изломами внизу (похожую на символ «Ѫ»), встречающуюся в средневековых новгородских грамотах второй половины XII — начала XIV вв. (*Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. Том 10. С. 192–193). В этом случае можно предположить, что мы имеем дело с формой родительного/местного падежа двойственного числа, то есть форма «столu» сообщает о владении князя одновременно двумя престолами («Владимир на столах»). Не исключено, что таким образом могла дополнительно декларироваться вассальность от Киевского княжества некой соседней территории, например — новгородских земель.

Однако нельзя исключать вероятность того, что знак/символ «Ѫ» на территории Южной Руси в конце X — начале XI века фонетически мог отличаться от своего графического аналога в Северной Руси. В этом случае все может свестись к диалектным различиям.

Новикова Мария Андреевна
ОР РНБ

Эпистолярий как социальный жест: Форма послания и новые письменные практики в Петровскую эпоху

Изменения в письменной традиции конца XVII — первой трети XVIII в. находят отражения в сфере переписки русского привилегированного сословия. Письма указанного периода позволяют проследить эти процессы не только на уровне содержания, но и на уровне материальной формы послания. Источниковую базу исследования составили более 200 писем русской элиты из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

На уровне материальной формы послания новые черты выражены в выборе бумаги, форме листа, типе складывания письма, инструменте письма, состава чернил и графики почерка. Исследование демонстрирует, что выбор писчего материала коррелирует с социальным положением и финансовыми возможностями автора. Женские письма преимущественно выполнены на голландской почтовой бумаге, а мужской эпистолярий — на русской писчей. Филиграни «Почтовый рожок» указывают на фирму «Honing» как основного поставщика. Внешняя форма писем демонстрирует сосуществование архаичных и новых практик, что свидетельствует об отсутствии единых норм оформления частного письма. Типы конвертирования и переход от восковых печатей к сургучным фиксируют формирование новых практик приватности и аутентификации.

Организация пространства листа уходит своими корнями в средневековую письменную традицию. В ряде писем наверху присутствует инвокация — начертание креста, что отсылает к древнерусской письменной традиции. При этом в письмах данного периода вырабатывается собственная особенность внешней графической организации текста. Текст четко делится на три структурные части, и это деление подчеркнуто тем, что пространство листа разделено на примерно равные сегменты.

Особый интерес представляют письма, созданные несколькими лицами — родственниками, а также господами и их слугами. В таких посланиях представлено несколько образцов почерка, что позволяет наблюдать различия в графических манерах. Расположение фрагментов текста каждого из участников коррелирует с занимаемым социальным положением. В семейных посланиях часть письма, выполненная мужчиной, или его подпись размещалась на первом листе. В письме, где представлены фрагменты текстов господ и слуг, фрагмент текста слуги следовал после текста господина. Подписи в таких письмах также выполняли функцию подчеркивания иерархии корреспондентов.

Анализ материальной формы частного письма первой трети XVIII в. позволяет охарактеризовать культуру письма этого периода и проследить, как социальные отношения корреспондентов отражались в организации пространства письма, выборе писчего материала и графических особенностях послания.

Оборнева Зинаида Евгеньевна
ИВИ РАН; ИРЯ РАН

Архимандрит Великой церкви Амфилохий: Обычное письмо

В фондах РГАДА нами было найдено три документа с греческими автографами архимандрита Амфилохия, одного из ключевых посредников в русско-греческих и дипломатических связях первой половины XVII в., — расписка 1628 г., письмо 1630 г. о

получении икон и письмо думному дьяку Григорию Львову 1646 г., которые вскоре будут опубликованы.

В докладе мы бы хотели проанализировать обычное, не каллиграфическое письмо достаточно грамотного и образованного человека из окружения константинопольского патриарха Кирилла Лукариса.

Проскурякова Мария Евгеньевна
СПбИИ РАН

Стили и манеры исполнения «заставных слов» в жалованных грамотах конца XVI — начала XVII в.[1]

Жалованные грамоты — это документы, удостоверяющие юридическое право лица или корпорации на земельные владения или льготы и привилегии. В течение XVI в. внешний вид царских жалованных грамот претерпел значительные изменения. Уже ранние акты великого князя Ивана Васильевича отличались более высоким качеством оформления по сравнению с документами его предшественников. Подход, разработанный бюрократами Ивана Васильевича, предполагал выделение жалованных грамот из ряда всех иных актов за счет нескольких приемов. Во-первых, увеличился размер листа. Если в первой четверти XVI в. грамоты писали на узких длинных листах (столбцах), то в 1530-е гг. для актов данной разновидности стали использовать лист большого формата, приближающейся по форме к квадрату. Во-вторых, за счет изменения размера полей текст стали размещать точно в центре листа без смещений вправо. Позднее, в годы царствования Ивана Васильевича (1547–1584), был предложен и новый стиль оформления начального протокола грамот («Се яз, <…>, пожаловал есми…»). При предшественниках Ивана Васильевича в традиционной формуле «Се яз» графически выделяли букву «Слово»: она писалась в виде некрупного инициала высотой в две-три строки. В царствование Ивана IV сделали акцент на всех четырех буквах начальной формулы: увеличили в размерах букву «Слово» и вертикали других знаков.

Работа над первой строкой жалованных грамот была продолжена в царствование Лжедмитрия I (1605–1606). При нем слова «Се яз, царь» начали исполнять роль декоративной заставки к основному тексту акта. Формулу писали вязью, в технике составного письма, с многочисленными подрисовками. В целом при Лжедмитрии I произошел принципиальный переход в отношении к жалованным грамотам. В документах этой разновидности наличие декоративного письма стало рассматриваться в качестве значимого и неотъемлемого атрибута.

В царствования Василия Ивановича Шуйского (1606–1610) и Михаила Федоровича Романова (1613–1645) «пишущие люди» поддерживали и развивали описанный подход к первой строке текста грамот, несмотря на введение в начальный протокол иной формулы («Божиею милостью мы, <…>, пожаловали есми…»). Слова «Божиею милостью» в актах 1610–1620-х гг. писали большого размера, вязью, дополняли растительным, зооморфным и антропоморфным орнаментом, расцвечивали красками. Такие приемы превращали каждую грамоту в произведение каллиграфического искусства и искусства рукописной миниатюры. При этом для каждого царствования, а также отдельных периодов царствования Михаила Федоровича характерна особая манера написания заставных слов в жалованных грамотах.

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-78-20012 https://rscf/project/25-78-20012/

Спасскова Анна Михайловна
МГУ им. М. В. Ломоносова

Функциональные стили кириллического письма X/XI–XV вв.: К постановке проблемы

Под стилистикой традиционно подразумевается раздел языкознания, изучающий особенности различных стилей речи, их изобразительно-выразительные средства, зависимость выбора языковых средств от коммуникативной задачи адресанта. О стилистике не принято говорить, когда речь идет о древнерусском периоде, однако исследование истории древнерусского письма вынуждает нас обратить внимание на особенности использования пишущими (как профессиональными писцами, так и грамотными людьми, не прошедшими специального обучения) графических средств в зависимости от типа создаваемого или переписываемого текста и, соответственно, коммуникативной задачи, стоящей перед адресантом.

На основе анализа комплекса палеографических особенностей древнерусских текстов можно выделить следующие функциональные стили письма, осознанное переключение между которыми возможно для человека, владеющего навыками профессионального письма, и подражание которым возможно для адресанта, умеющего писать, но знакомого с многообразием корпуса письменных текстов (деловых, юридических, четьих, литургических) лишь рецептивно:

- бытовой стиль письма (соотносится с бытовым письмом уставного типа; основная коммуникативная задача — передать адресату информацию; цель создания текста — прагматическая);
- книжный стиль письма (с функциональными подстилями — богослужебным, четьим, а также деловым/юридическим, выделяющимся со временем (не ранее XIII в. — с увеличением объема оформляемой документации) в самостоятельный функциональный стиль);
- декоративный стиль письма (соотносится с заглавным уставом, позже, с рубежа XIV/XV в., — с вязью; основная коммуникативная задача — эмоционально-эстетическое воздействие на читающего, передача информации отступает на второй план; цель создания текста — эстетическая).

Выделение, исследование и описание функциональных стилей древнерусского письма представляется крайне важной задачей для решения проблемы атрибуции почерков в том случае, когда тексты выполнены предположительно одной рукой, но имеют различия в буквенных начертаниях, оформлении, выборе графико-орфографической системы и прочих приемах работы с текстом (например, основной текст рукописной книги и писцовые записи, черновая разметка декоративного текста и его финальная реализация). С большой долей уверенности можно утверждать, что анализ функциональных стилей древнерусского письма поможет выявить как сквозные (надстилевые) палеографически значимые признаки, так и характерные для каждого отдельного стиля датирующие и локализующие приметы.

Таценко Тамара Николаевна
СПбИИ РАН

Письменная манера собственноручных писем немецких княгинь XVI в. (по материалам Архива СПбИИ РАН)

В Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН в колл. 25 «Германия. Акты феодальных властителей» к настоящему моменту выявлено 24 подлинных письма XVI в., написанных или составленных от имени женщин — членов княжеских семей: супруг, вдов, дочерей, матерей правящих князей. Почти все письма относятся ко второй половине XVI в. и разделяются на две группы.

К первой, большей группе (17 ед.), относятся официальные послания: административные распоряжения, финансовые документы, акты о назначении служащих, ходатайства по подтверждению владельческих прав детей, полномочия по ведению переговоров, сообщения о рождении детей и внуков. Эти документы исполнены профессиональными писцами канцелярским неоготическим курсивом по принятому формуляру монархических актов с полной титулатурой, церемониальными словесными оборотами. Отправительницей исполнена только подпись.

Ко второй группе относятся семь собственноручных писем титулованных особ. Все они адресованы близким родственникам: родным братьям, сестрам, свойственнице. Их письмо, свободная, нерегламентированная композиция, непосредственный, эмоционально окрашенный язык (*herz, liebe, treue*), наконец, беглый, далекий от гордого изящества канцелярской готики курсив, ярко контрастируют с официальными письмами княгинь. Несмотря на то, что эти собственноручные женские письма происходят из различных германских земель (Вюртемберг, Гессен, Пфальц, Померания, Шварцбург, Хеннеберг), в отношении письменной манеры они имеют определенный общий характер. Он коренится не в моде или эстетических пристрастиях, а в социальной общности группы: единая сословная принадлежность к германским княжеским династиям, предопределенность их жизненного пути (династический брак в политических интересах), соответствующее воспитание и образование, в частности обучение составлению и написанию писем.

Активная переписка являлась в XVI в. одной из неотъемлемых задач женщин княжеского сословия. Они становились важным коммуникативным звеном династических связей, поддерживали контакты в большой княжеской семье. При этом лично написанные собственной рукой послания имели большой вес и ценность, служили безошибочным маркером особой близости, теплых неформальных отношений. Примером этого являются исследуемые письма. Их темами являются здоровье и благополучие родственников, советы о лекарствах, сообщения о посылке подарков, выражения любви, добрые пожелания.

Графика собственноручных писем отличается большими индивидуальными особенностями, иногда может производить впечатление «корявой», но повсюду — беглая и свободная. Текст размещается одним единым блоком без отступлений, курсив — одного размера без игры разных величин. Обращает на себя внимание, что нередко употребляются архаичные формы букв, например форма **r** — круглая, а не прямая форма с расщепленной внизу вертикалью, архаичные формы букв **g** «с головкой» и короткая **h**. Вместе с тем нет сомнения, что в обоих случаях мы имеем дело с неоготическим курсивом, где его знаковые формы букв присутствуют, пусть и в специфически модифицированном виде. Речь идет о длинной форме **h**, гамма-форме **g**, форме **e** с раскрывающейся и опускающейся петелькой или **v** с петелькой вместо нижнего расщепления.

Трофимова Ольга Викторовна, Битнер Екатерина Владимировна,
Ким Евгения Алексеевна
Тюменский государственный университет

Графико-орфографические приметы канцелярской школы (на материале тобольских промемориий 1757 года)

В документооборот Российского государства промемории — жанр (разновидность) документов, предназначенных для коммуникации не подчиненных друг другу учреждений, — были введены Именным указом Петра I от 28 июня 1723 г. [ПСЗРИ, т. 7, с. 881]. Материал исследования — уникальный в своей сохранности корпус промемориий 1757 г. из фонда «Тобольская полицмейстерская контора» (далее — ТПК) [ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 661. Д. 132], позволяющий проводить сопоставительный анализ. В деле имеются «Книга присланнымъ указомъ и³гла/вно` полицеместерско` канцерярiі ииспро^{m}/чихъ местъ промемориямъ 1757 / годѵ» (5 генваря — 31 декабря) и «Книга ѡтходящая посланнымъ / истоболско` полицеместерскѡ” / канторы доношениямъ ипро/мемориямъ 1757 годѵ» (7 генваря — 12 декабря). Часть источников сохранилась как в полнотекстовом варианте (часто — с пометами, которые сделаны канцеляристами Полицмейстерской конторы, коррелирующими с записями в книге), так и в формате записи в книге: 108 входящих промемориий из 166 записанных в «Книге присланным <…> промемориям», а также пять входящих, не зафиксированных в книге; 30 исходящих (неподписанных отпусков) промемориий из 83 записанных в «Книге отходящей…». Из 20 адресантов промемориий, полученных в ТПК, 19 — это канцелярии, комиссарства, магистраты и другие региональные учреждения, при этом большая часть документов была адресована в ТПК из Сибирской губернской канцелярии (89 записей и 54 текста), Сибирской гарнизонной канцелярии (30 записей и 19 текстов) и Сибирского гарнизона Енисейского пехотного полку полковой канцелярии (8 записей и 7 текстов). В первые две канцелярии чаще направлялись и промемории из ТПК: 41 — в губернскую, 21 — в гарнизонную.

Для всех анализируемых нами источников середины XVIII в. характерны такие приметы скорописи, как неразличение прописных и строчных букв, слитное со знаменательным словом написание служебных (союзов, предлогов, частиц), хотя получаемые в канцеляриях из столицы типографские указы (частично сохранившиеся в том же архивном деле) диктовали новый формат оформления документов. Изучив 30 исходящих промемориий, достаточно уверенно мы выделяем три группы текстов — на основании почерков, характеризующихся частотой использования выносных букв и надстрочных знаков при согласных и гласных (неиктусного знака колеблющегося начертания, внешне напоминающего варию, точку или спиритус); выбором одного из вариантов (или употреблением всех) написания о/ѡ, с/s, у/ѵ, ф/ѳ, и/-/i/j/й, е/ѣ; наличия слов под титлами, а также особенностями начерков отдельных букв, например, *а, к, ж*. Группы текстов различаются пунктуацией; но если общий для них знак двоеточия у первого писца (11 текстов) употребляется последовательно, преимущественно на границах композиционных блоков и частей сложносочиненных предложений, то у второго (8) и третьего (4) знак фрагментарен. Общими являются также вставочные конструкции, отмечаемые составным знаком по модели /: <…> :/, запятые единичны.

Минимальным употреблением выносных букв отличаются документы из военных канцелярий; последовательно наблюдаем ерок на стыке согласных в промемориях из Тобольского яму от ямских управительских дел, Тобольского губернского магистрата, в отдельных документах из гарнизонной и губернской канцелярий.

Исследование показывает, что выделенные на материале промемориий графические особенности прослеживаются скорее на уровне индивидуальных почерков (и могут быть

прокомментированы в ретроспективном аспекте), но не позволяют разграничить западносибирские канцелярские школы (исключением может быть последовательное употребление «Ятя» в документах духовной канцелярии); при этом непоследовательность в употреблении букв и надстрочных знаков даже внутри одного почерка может свидетельствовать как об ошибках, так и о том, что их использование служило задачам самопроверки писца. Орфографические же варианты единичны, например: полицЫ/*Е*/-/мЕ/-/*И*/*Ѣ*/стерску/*ѵ*/ю, ис/*З* канцелярИИ/ИИ/ЙИ/И’/И — и коррелируют с рукописной практикой XVIII в. в целом, отражая процессы формирования русской правописной нормы.

Чиркова Александра Викторовна
СПбИИ РАН

Личные знаки и орнаментальные инициалы венецианских нотариев XIII–XIV вв.: Веяния моды или смена поколений?[1]

В собрании Архива СПбИИ РАН хранится 43 нотариальных акта 1248–1407 гг., составленных 27 венецианскими нотариями. Их можно дополнить еще тремя примерами XIII–XIV вв., воспроизведенными в публикациях по венецианской дипломатике (Tiepolo M. F., Scarpa P., 1991; Pozza M., 1997). Эти акты дают более широкий дипломатический и палеографический контекст для дожеских постановлений XIV в., составленных нотариями-канцеляристами, о которых шла речь на III Палеографической конференции и на I Круглом столе в Томске осенью прошлого года.

Традиция рисовать нотариальный знак на вертикали последующей буквы *E* в слове *Ego*, которым открывался текст нотариальной заверки, вышла из употребления в середине XIV в., хотя и продержалась в обиходе некоторых нотариев до конца 1360-х (и даже в 1390-х гг. можно встретить ее отголоски). Однако, в отличие от нотариев Генуи, эта традиция не была свойственна венецианским нотариям изначально. Петербургский материал свидетельствует, что она утвердилась лишь в 1290-х гг. Примеры нотариальных заверок XI–XII вв, известные по воспроизведениям частных актов и дожеских постановлений (Migliardi O’Riordan G., Schiavon A., 1988; Migliardi O’Riordan G., 1991; Pozza M., 1995; Erboso A., 2021), показывают, что подобное построение нотариального знака, пусть и с использованием других элементов, возникало несколько раз (в 1070–1090-х, в 1140–1150-х и в 1170-х гг.), и, скорее всего, утвердилось в конце XIII в. как сознательная архаизация.

Первоначальная форма инициала *I*, которым открывалась вербальная инвокация (*In nomine domini Dei …*), в виде двух параллельных полос, возникла в середине XI в. в результате слияния символической инвокации в виде простого креста и простой маюскульной буквы *I*. А. Скьявон и Дж. Мильярди О’Риордан, по-разному интерпретируя одни и те же изображения, тем не менее склонны видеть знак креста в составе инициалов еще в документах 1150-х гг., то есть спустя столетие после этого слияния. Однако в дальнейшем эта связь со старым протоколом полностью обрывается и формы инициалов диктуются изменчивостью нотариальной «моды» — как в дожеских постановлениях, так и в частных актах.

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-78-20012 https://rscf/project/25-78-20012/

Щеголева Людмила Игоревна
ИВИ РАН

Монах Анфим Анхиальский и библиотека Иерусалимского патриархата в первой половине XIX в.

Монах лавры св. Саввы Освященного в Иерусалиме Анфим Анхиальский († после 1852 г.) был секретарем Иерусалимского патриархата и библиотекарем Патриаршей библиотеки. Ему принадлежит ряд сочинений географического, исторического и биографического характера, а также поэтические произведения. Наибольшую известность получили его труды «Описание Иерусалимского патриархата», «Записка о жизни архиепископа Петры Мисаила», продолжение хроники Прокопия Назианзина «Попираемый Иерусалим». Большинство сочинений Анфима Анхиальского опубликовано, основные труды переведены на русский язык и частично изданы.

Автографы сочинений Анфима Анхиальского хранятся в Иерусалимской Патриаршей библиотеке. Здесь же находятся переписанные его рукой «Комментарий к 4 книге Грамматики Феодора Газы» и Каталог печатных изданий Патриаршей библиотеки, который предваряется небольшой справкой об истории Патриаршей библиотеки и стихотворным посвящением библиотеке на новогреческом языке (нач.: Ψωμὶ ὁ πεινασμένος...). Несколько автографов имеется также в Российской государственной библиотеке в Москве. Это экземпляры «Описания Иерусалимского патриархата» и «Записки о жизни архиепископа Петры Мисаила», подаренные Анфимом Анхиальским известному русскому писателю, историку, деятелю Церкви Андрею Николаевичу Муравьеву, и письма монаха Анфима к А. Н. Муравьеву.

Сведения об истории библиотеки Иерусалимского патриархата и о деятельности Анфима Анхиальского как библиотекаря изложены в серии очерков архимандрита Святого Гроба Кирилла Афанасиадиса 1874–1881 гг., изданных А. И. Пападопуло-Керамевсом в Приложении к 3-му тому «Иерусалимской библиотеки». Стихотворение Анфима в честь Патриаршей библиотеки было впервые опубликовано в 1837 г. в Приложении к московскому изданию «Проскинитария» Хрисанфа из Прусы на греческом языке.

Ne putaxtent hominem tantum me esse tactum quia mor-
tuum te fuisse ex tu Lazarus unus erat ex recumbentibus, videbat:
Loquebatur: epulabatur, veritatem tendebatur: infidelitas in-
dignorum confundebatur. Discumbebat ergo dominus cum Lazaro.
Et cæteri: ministrabat Martha una ex sororibus Lazari, Maria
altera soror Lazari accepit Libram unguenti Nardi pistici præ-
ciosi: & unxit pedes Jesu: et extersit capillis suis pedes eius & do-
mus impleta est ex odore unguenti.

